
Диакон Сергей Кульпинов

К проблеме миссионерской деятельности Сибирской обновленческой церкви в первой половине 1920-х гг.

УДК 271.2-86-9:271.2-762(571.1/.5)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_359

Аннотация: В рамках статьи анализируется миссионерская деятельность Сибирской обновленческой церкви в период с июля 1922 г. по конец 1925 г. Автором рассматривается исключительно внешняя миссия обновленческих церковных структур, обращенная к представителям неправославных христианских конфессий, нехристианских религий и атеистам. Исследуются материалы, затрагивающие вопросы, связанные с миссией в период институционализации обновленческого раскола в Сибири. Делается вывод о том, что миссии не придавалось первостепенного значения в данный период. Также анализируются постановления II Поместного собора 1923 г., затрагивающие миссионерскую проблематику. Значительное внимание уделяется вопросам миссии в работе II Всесибирского съезда духовенства и мирян, проходившего в Ново-николаевске в мае 1924 г., а также миссионерской деятельности сибирских обновленческих епархий. Анализируются сходства и различия в сибирской и общесоветской обновленческой политике 1924–1925 гг. Делается вывод о том, что на епархиальном уровне активной миссионерской деятельности в первой половине 1920-х гг. не осуществлялось, поскольку обновленческие структуры были сосредоточены на иных вопросах, в первую очередь — на противостоянии с Патриаршей Церковью. Постановления о развитии миссии, принятые на уровне Сибирской церкви и обновленческого Священного синода, в епархиях фактически игнорировались.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Сибирская обновленческая церковь, обновленческий Священный синод, Сибирский областной церковный совет, Иркутская обновленческая епархия, Омская обновленческая епархия, II Всесибирский съезд духовенства и мирян, «митрополит» Александр Иванович Введенский, «архиепископ» Макарий Павлович Торопов, «епископ» Антоний Николаевич Семигановский-Диальти.

Об авторе: **Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов**

Кандидат богословия, архивариус Иркутского епархиального управления Русской Православной Церкви.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Для цитирования: Кульпинов С., диак. К проблеме миссионерской деятельности Сибирской обновленческой церкви в первой половине 1920-х гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 359–369.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2022

Deacon Sergiy Kulpinov

**On the Problem of the Missionary Activity
of the Siberian Renovationist Church
in the First Half of the 1920s**

UDK 271.2-86-9:271.2-762(571.1/.5)

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_359

Abstract: The article analyzes the missionary activity of the Siberian Renovationist church in the period from July 1922 to the end of 1925. The author considers exclusively the external mission of the Renovationist church structures addressed to representatives of non-Orthodox Christian denominations, non-Christian religions and atheists. The materials dealing with the issues related to the mission during the period of institutionalization of the Renovationist schism in Siberia are studied. It is concluded that the mission was not given priority during this period. The author also analyzes the resolutions of the II Local Council of 1923, which affect missionary problems. Considerable attention is paid to the issues of mission in the work of the II All-Siberian Congress of Clergy and Laity, held in Novonikolaevsk in May 1924, as well as the missionary activities of the Siberian Renovationist dioceses. The similarities and differences in the Siberian and All-Soviet Renovationist policies of 1924–1925 are analyzed. It is concluded that at the diocesan level of active missionary activity in the first half of the 1920s, it was not implemented, since the Renovationist structures were focused on other issues, principally, on confrontation with the Patriarchal Church. The resolutions on the development of the mission adopted at the level of the Siberian church and the Renovationist Holy Synod were actually ignored in the dioceses.

Keywords: missionary activity, Siberian Renovationist church, Renovationist Holy Synod, Siberian regional church council, Irkutsk Renovationist diocese, Omsk Renovationist diocese, II All-Siberian congress of clergy and laity, “metropolitan” Alexander Ivanovich Vvedensky, “archbishop” Makariy Pavlovich Toropov, “bishop” Anthony Nikolaevich Semiganovsky-Dialti.

About the author: **Deacon Sergey Sergeevich Kulpinov**

Candidate of Theology, Archivist of the Irkutsk Diocesan Administration of the Russian Orthodox Church.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

For citation: Kulpinov S., deacon. On the Problem of the Missionary Activity of the Siberian Renovationist Church in the First Half of the 1920s. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 359–369.

Введение

Проблема миссионерской деятельности религиозных организаций в СССР на сегодняшний день крайне слабо изучена. Вместе с тем следует отметить, что отделение Церкви от государства и предоставление ранее не пользовавшимся государственной поддержкой религиозным организациям полной свободы вызвали значительный рост русского сектантства и неопротестантизма в СССР в 1920-х гг. [Luukkanen, 1994, 91–95], что вполне очевидно должно было привести к ответной реакции со стороны Православной Церкви. Также следует полагать, что миссионерская деятельность среди язычников, активно осуществлявшаяся в Российской империи, должна была иметь какое-то продолжение, по крайней мере теоретическое, в новых условиях.

Проблема миссионерской деятельности собственно обновленческих церковных структур остается практически неизученной. В большинстве фундаментальных работ, посвященных истории обновленческого раскола в целом или его региональным особенностям, данному вопросу либо не уделяется внимание [Лавринов, 2016; Соловьев, 2002; Пантюхин, 2014; Шиленок, 2006], либо приводятся только краткие сведения об обновленческом миссионерстве [Лавринов, 2007, 93–95; Лобанов, 2019, 128, 131, 133].

Говоря о миссионерской деятельности в Сибири, необходимо отметить, что исследования этого процесса в советский период полностью отсутствуют, что резко контрастирует с достаточно значительным числом работ, посвященных сибирскому миссионерству в синодальный период [Маньковская, 2016; Цысь, 2017; Каллистрат, 2018; Крючкова, Мельникова, 2019; Юрганова, 2020].

Таким образом, можно сказать, что актуальность настоящей работы обосновывается крайне слабой исследованностью рассматриваемой проблематики.

В рамках исследования ставится цель проанализировать миссионерскую деятельность Сибирской обновленческой церкви в первой половине 1920-х гг.

Для достижения данной цели выдвигаются следующие задачи:

1. Исследовать возможную миссионерскую деятельность Сибирской церкви в период институционализации обновленческого раскола в Сибири;
2. Проанализировать миссионерскую деятельность Сибирской церкви между II Поместным собором Православной Российской Церкви и концом 1925 г. (период с июня 1923 г. по конец 1925 г.).

Следует оговорить, что термин «миссионерство» в данном случае используется исключительно в значении просветительской и прозелитической деятельности по отношению к представителям неправославных христианских конфессий, нехристианских религий и атеистам. По отношению к пропаганде обновленческих идей в православной среде данный термин, на наш взгляд, использовать некорректно. Более того, он не использовался и самими обновленцами, которые, как правило, называли этот процесс пропагандой.

Термин «Сибирская церковь» в настоящем исследовании используется по отношению к обновленческим структурам, находящимся в подчинении Сибирского церковного управления (с июня 1923 г. — Сибирского областного церковного совета; далее — СОЦС). Данный термин использовался в рассматриваемый период самими обновленцами, дабы подчеркнуть особый статус сибирского церковного движения и, вероятно, его претензии на автокефальный статус. Этот вопрос более подробно рассматривался нами в одной из уже опубликованных статей [Кульпинов, 2021a].

Хронологические рамки исследования охватывают период от 2 июля 1922 г. (создание обновленческого Сибирского церковного управления) до конца 1925 г.

В исследовании преимущественно использовались сравнительно-исторический метод, описательный метод, а также контент-анализ центральной и региональной обновленческой периодической печати.

Проблема миссионерской деятельности Сибирской церкви в период институционализации обновленческого раскола в Сибири

В первые месяцы существования обновленческого раскола вопросы миссии не являлись насущными как для Высшего церковного управления, так и для начавших оформляться региональных обновленческих структур. Основными задачами этого периода определенно являлись распространение власти Высшего церковного управления на местах и подавление оппозиции расколу. Сибирское церковное управление в момент своего создания также в первую очередь было озабочено распространением своей власти и признанием ее со стороны клира сибирских епархий, насколько можно судить об этом по опубликованной в советской печати декларации Сибирской церкви [Сибирь, 1922].

Аналогично в циркулярах Сибирского церковного управления, направляемых в епархии в период с июля по сентябрь 1922 г., проблема миссионерской деятельности не рассматривалась (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31. Л. 7; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 252. Л. 4). Необходимо отметить, что вопросы миссионерства в данный период не поднимались и обновленческими структурами в Европейской России [Устав, 1922; Духовенству, 1922].

Значительным событием для развития обновленчества в Сибири стал I Всесибирский съезд «Живой церкви», проходивший в Томске с 3 по 8 октября 1922 г. Съезд очень пространно рассматривал вопросы обновленческих нововведений в богослужение и церковную жизнь, принял постановления о незамедлительном введении в Сибири брачного епископата и реорганизации монастырей. Большое внимание было уделено также методам подавления оппозиции обновленческому движению. Собственно вопросы миссии на съезде не рассматривались, однако в нескольких докладах звучали мысли, которые заслуживают внимания в контексте дальнейшего развития миссионерской деятельности. В частности, прот. М. П. Торопов в своем докладе подчеркивал необходимость русификации богослужения и его большей доступности для верующих, хотя съезд по этому докладу принял резолюцию об осторожном введении богослужебных реформ (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 2). «Епископ» Николай Иванович Чижов, на тот момент недавно рукоположенный и назначенный в Иркутск, в своем докладе о проповеди акцентировал внимание на том, что проповедь должна стать частью жизни пастыря и неотъемлемым элементом богослужения (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 3). Можно сказать, что нововведения, обозначенные в обоих рассмотренных докладах, подразумевали не только пропагандистский, но и чисто миссионерский эффект, однако прямо миссионерское значение подобных преобразований докладчиками не рассматривалось.

В материалах работы обновленческих епархий осени 1922 г. вопросы миссии также не поднимались. Например, никак не обозначалась данная проблематика в документах, относящихся к деятельности Иркутского (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 25; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 28. Л. 1 А-12) и Омского (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–9 об.) губернских церковных управлений.

Вместе с тем проблемы, связанные с миссионерской деятельностью, в этот период затрагивались в работах отдельных обновленческих священнослужителей. Например, иркутский протоиерей Н. С. Попов-Кокоулин, имевший значительный миссионерский опыт в синодальный период, в своей статье «Нужно ли и в чем должно выразиться русское церковно-религиозное обновление», подготовленной для газеты «Сибирская церковь» 10 декабря 1922 г., указывал на то, что богослужение должно быть доступно для народа, что могло бы иметь миссионерский эффект (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 34. Л. 11 об.). Активным миссионерским противодействием баптизму во второй половине 1922 г. занимался священник Ново-Черемховской церкви Зиминского уезда Иркутской епархии К. Зубарев (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 54. Л. 3).

В целом можно сказать, что отдельные упоминания о миссионерстве или связанных с ним церковных преобразованиях в рассматриваемый период отражали общие для обновленчества тенденции. Несмотря на то, что руководящие структуры раскола

еще не уделяли этой проблематике значительного внимания, отдельные клирики поднимали миссионерские вопросы, хотя и делали это довольно кратко и опосредованно. Например, в вологодской обновленческой газете «Церковная заря» во второй половине 1922 г. встречается только одно упоминание о миссионерстве в статье прот. Т. Н. Шаламова «Голос новой церкви (К открытию нового Епархиального Управления)», в которой автор указывал на необходимость осуществления миссии с христианской любовью [Шаламов, 1922].

Зимой 1922–1923 гг. и в первой половине весны 1923 г. вопросы миссионерской деятельности также не поднимались в распоряжениях Сибирского церковного управления (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 15, 19–21, 26, 33 об.) и материалах работы ряда сибирских епархий (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–4, 6, 7–11, 16, 23, 29–30; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 28. Л. 15–35 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43). Следует отметить, что аналогичные тенденции в этот период имели место и в Европейской России, в частности, вопросы миссионерства не поднимались на съезде духовенства и мирян Владимирской епархии 27 марта 1923 г. [Что постановил губернский съезд, 1923] и в номерах вологодской газеты «Церковная заря» зимой 1922–1923 гг. [Церковная заря, 1922; Церковная заря, 1923].

II Поместный собор, собравшийся в Москве 29 апреля 1923 г. и окончивший работу 9 мая 1923 г., несомненно, стал ключевым событием начального периода истории обновленческого раскола. Основными задачами собора стало лишение сана Патриарха Тихона (Беллавина) и введение ряда реформ в канонический строй и церковную практику. Вместе с тем некоторое внимание собор уделил и вопросам миссии. В частности, в своем докладе «О церковных реформах» «архиепископ» Крутицкий Александр Иванович Введенский обозначил необходимость широкой проповеди, «христианизации мира». В аналогичном ключе высказался и ряд других делегатов собора [Деяния II собора, 1923, 13]. Также вопросы миссии косвенно упоминались в ряде соборных положений, в частности, в положении «Об Епархиальном Управлении Российской Православной Церкви» указывалось, что в ведении епархиального управления находятся вопросы распространения православной веры [Деяния II собора, 1923, 16], аналогично в положении о благочиннических собраниях упоминалось, что таковые «обсуждают вопросы распространения веры и борьбы с неверием в своем округе» [Деяния II собора, 1923, 18].

Таким образом, в период институционализации обновленческого раскола вопросы миссионерской деятельности в Сибири поднимались довольно редко. Некоторые аспекты, связанные с миссией, затрагивались в докладах на I Всесибирском съезде «Живой церкви» в октябре 1922 г., однако прямо миссионерская деятельность на съезде не рассматривалась. В целом, вопросы миссии в период с осени 1922 г. по весну 1923 г. эпизодически поднимались только в публицистических работах и деятельности отдельных священнослужителей. В этом отношении положение в Сибири вполне соответствовало тенденциям, общим для обновленчества данного периода. II Поместный собор 1923 г. в своей повестке специально не затрагивал вопросов миссии, однако в ряде выступлений поднималась тема необходимости широкой проповеди. В той или иной форме миссионерская деятельность вменялась в обязанность церковным структурам на местах.

Миссионерская деятельность Сибирской церкви в период между II Поместным собором Православной Российской Церкви и концом 1925 г.

Период лета 1923 г. ознаменовался значительным ростом сопротивления обновленческому расколу. В связи с освобождением из заключения Патриарха Тихона (Беллавина) начался процесс массового возвращения клириков и общин в Патриаршую Церковь. В этих условиях обновленческие структуры, столкнувшиеся с серьезным

сопротивлением, как в центре, так и на региональном уровне, сосредоточили основную деятельность на подавлении оппозиции. Вопросы миссии в этих условиях не имели значительной актуальности.

В материалах Сибирской церкви данного периода проблема миссионерства не поднималась (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15. Л. 43, 47, 56; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31). В центральной обновленческой печати также отсутствовали статьи, специально посвященные миссионерству. Вместе с тем нельзя утверждать, что вопросы проповеди за пределами Православной Церкви совершенно не интересовали обновленческий Священный синод. В частности, в программе открытой в 1923 г. Московской богословской академии присутствовали предметы, затрагивающие миссионерскую проблематику: апологетика, история языческих религий, а также практика проповеди и диспута [Учебная программа Академии, 1923, 19–20]. В особенности в контексте настоящего исследования примечателен последний предмет, поскольку помимо проповеди студентам планировалось преподавать практику диспута, то есть готовить обучающихся к активной дискуссии с неверующими.

Во второй половине осени 1923 г., согласно распоряжению Священного синода, в ряде сибирских обновленческих епархий прошли недели духовного просвещения (ГАКК. Ф. 206. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 36). Следует отметить, что данные мероприятия имели своей целью апологию обновленчества и просвещение верующих внутри обновленческих общин, поэтому собственно вопросы внешней миссии в рамках недель духовного просвещения практически не затрагивались (см.: ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 36)). Некоторые меры к развитию просветительской деятельности были предприняты по итогам недель духовного просвещения. В частности, в Иркутской епархии были разосланы циркуляры по уездам с предписанием повсеместного введения проповеди как составной части богослужения, организации в приходах религиозно-нравственных бесед и чтений (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 42), в Иркутске велась подготовка к организации епархиальной просветительской комиссии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 28. Л. 61 об.). Подобная деятельность могла касаться и проповеди христианства среди неверующих, однако основными ее целями все же были укрепление обновленческих общин и противостояние Патриаршей Церкви, поэтому к миссии данные мероприятия имели лишь косвенное отношение.

Мероприятия, имевшие более однозначное отношение к миссии, начали осуществляться в сибирских обновленческих епархиях с начала 1924 г. В частности, в ходе духовно-просветительских бесед, проводившихся в иркутском Богоявленском кафедральном соборе в январе 1924 г., поднимались темы, напрямую касающиеся обоснования истинности христианства для неверующих (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 45. Л. 2). Хотя остается неизвестным, достигли ли эти беседы неверующей аудитории.

С начала 1924 г. в Сибирской церкви начали активно подниматься и вопросы противодействия сектантству. В частности, уже 19 февраля 1924 г. Омский епархиальный церковный совет предписывал Татарскому уездному церковному совету вести наблюдение за «противоборствующими группировками», к которым относились как «тихоновцы», так и сектанты (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 8). 15 марта 1924 г. СОЦС направил в епархии циркуляр с требованием срочно предоставить сведения о развитии сектантства с 1918 по 1924 гг., обратив особое внимание на баптизм. В предоставленных сведениях обновленческим епархиям предлагалось ответить на следующие вопросы: «1. Какая часть уезда поражена сектантством; 2. Рост или уменьшение сектантства; 3. Социальное положение входящих в секты; 4. Количественный и качественный состав организаций; 5. Где центр и кто руководит сектой на местах; 6. Как влияет на рост сект распря в ПЦ; 7. Какие способы считать полезными в деле борьбы против сект» (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–18 об.). Собранные материалы планировалось представить на Всероссийском предсоборном совещании. При этом непонятно, насколько ответственно епархии отнеслись к данному распоряжению, поскольку сведений о предоставлении отчетов о сектантстве от Иркутской, Омской и Красноярской обновленческих епархий автором не обнаружено.

Вопросы миссионерской деятельности планировалось рассмотреть и на II Всесибирском съезде духовенства и мирян, подготовку к которому СОЦС начал с марта 1924 г. (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 12). Планируемый съезд вызвал определенный отголосок и в епархиях, в частности, иркутский протоиерей Н. С. Попов-Кокоулин 14 апреля 1924 г. подготовил ходатайство к съезду об образовании Олекминской епархии, в котором указывал на необходимость миссионерской деятельности среди коренного населения: якутов и тунгусов, а также среди русских рабочих Бодайбинско-Витимского района. По мнению прот. Н. С. Попова-Кокоулина, образование самостоятельной епархии позволило бы значительно усилить миссионерскую деятельность в регионе, который был обделен вниманием церковных структур (ГАНУ. Ф. 485. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–2 об.).

На самом съезде, прошедшем в Новониколаевске 12 мая 1924 г., «архиепископом» Ойротским Макарием Павловичем Тороповым и «епископом» Нижнеудинским Антонием Николаевичем Семигановским-Диальти был представлен доклад, посвященный миссии в современных условиях. В докладе обозначалось, что каждый «архиерей» и священник должен быть миссионером как в своем служении, так и в личной жизни, указывалось на необходимость создания крепких приходских общин, образование миссионерских организаций и открытие миссионерских курсов для духовенства и мирян в губернских и уездных городах. Большое внимание докладчики обратили также на необходимость проповеди и образцовой постановки богослужения в приходах (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 89–89 об.). Во многом доклад был посвящен пропаганде обновленчества, как среди верующих Патриаршей Церкви, так и среди неверующих. При этом некоторые положения, высказанные «архиепископом» Макарием и «епископом» Антонием, можно назвать сильно оторванными от действительности. В частности, докладчики призывали «для миссии и религиозной пропаганды использовать сборные пункты, базары, постоялые дворы...» (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 89 об.), что в условиях господствующей антирелигиозной политики государства представлялось малоосуществимым. В этой связи можно упомянуть, что один из докладчиков, «епископ» Антоний Семигановский-Диальти, был человеком довольно экзальтированным и несколько оторванным от реальности (см.: [Кульпинов, 2021б]).

Помимо вышеназванного доклада на съезде проблемы, связанные с миссией, рассматривались в ряде выступлений сибирских «архиереев». Так, «архиепископ» Алтайский Александр Петрович Введенский в своем докладе, посвященном приходской деятельности, указывал на необходимость постоянной проповеди и приближения богослужения к народу (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 83–83 об.). Подобные мысли звучали и в докладе «архиепископа» Иркутского Василия Дмитриевича Виноградова о грядущем Поместном соборе и выборах на него (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 84–84 об.). Необходимость повсеместной проповеди и доступности богослужения была отражена и в резолюции съезда по вопросам богослужения (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 81–81 об.).

В целом можно сказать, что на съезде в Новониколаевске вопросам проповеди и миссионерской деятельности было уделено значительное внимание, хотя представленный доклад «архиепископа» Макария Торопова и «епископа» Антония Семигановского-Диальти выглядел несколько оторванным от реальности. Подобное внимание к проблемам миссионерской деятельности в Сибирской церкви вполне укладывалось в общую картину обновленческой политики данного периода. В это же время при обновленческом Священном синоде был организован миссионерский совет, который возглавил «митрополит» Вениамин (Муратовский). В мае 1924 г. в епархии направлялись циркуляры синода с требованием предоставления информации о местных расколах и лжеучениях и средствах для борьбы с ними, а также об изыскании средств на содержание миссионерского совета [Состав Священного синода, 1925, 16].

Вопросы миссии поднимались и на обновленческом Великом предсоборном совещании, проходившем в Москве с 10 по 18 июня 1924 г. В частности, на совещании профессором В. З. Белоликовым был прочитан доклад «О сектантстве и мерах борьбы с ним» [Состав Священного синода, 1925, 16]. Также были представлены доклады, касавшиеся борьбы с неверием и положения старообрядчества [Лобанов, 2019, 131].

В этом отношении съезд Сибирской церкви вполне вписывался в общую картину развития миссионерской деятельности обновленческих церковных структур. С другой стороны, на региональном уровне решения съезда не имели каких-либо отчетливых отголосков. Несмотря на декларируемую необходимость развития миссионерской работы, сведения о ее росте в епархиях в 1924 г. отсутствуют. В частности, в Иркутской епархии правящий «архиерей» и «викарии» летом 1924 г. предпринимали поездки по сельским приходам, однако какие-либо сведения об осуществлении именно миссионерской работы в процессе этих поездок отсутствуют (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 252. Л. 16 об.). На территории Красноярской епархии, несмотря на отмечавшиеся советскими антирелигиозными работниками наличие баптистов и рост числа неверующих (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 777. Л. 25, 36), обновленцами, насколько можно судить по имеющимся документам, в этот период не предпринималось никаких миссионерских мероприятий (ГАКК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 25; ГАКК. Ф. 203. Оп. 2. Д. 10).

Помимо этого следует отметить, что Всесибирский съезд никак не отреагировал на предложение прот. Н. С. Попова-Кокорулина об образовании самостоятельной Олекминской епархии. На съезде не рассматривалось и иных предложений из епархий.

Во второй половине 1924 г. проблема миссии в Сибири практически не поднималась. Основное внимание епархиальных структур было сосредоточено на противостоянии Патриаршей Церкви, для чего создавались специальные «особые комиссии по борьбе с тихоновщиной» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 76. Л. 1–2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 75. Л. 1–2).

Определенное миссионерское значение усваивалось поездкам по СССР «митрополита» Александра Ивановича Введенского, выступавшего с просветительскими лекциями и участвовавшего в диспутах. В частности, при посещении «митрополитом» Омска 28 августа 1924 г. и Иркутска с 19 по 22 сентября 1924 г. предполагалось, что публичные лекции будут иметь миссионерское воздействие на атеистов (ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 52–52 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 81. Л. 10). Однако в действительности атеистически настроенная публика посещала подобные мероприятия скорее для того, чтобы отстаивать свои взгляды. Насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, миссионерского эффекта для атеистов лекции «митрополита» Александра в Сибири не имели [Петров, 2018].

В это же время вопросы миссионерской деятельности активно рассматривались обновленческим Священным синодом. В сентябре 1924 г. были выработаны положения о миссионерских отделах при епархиальных управлениях и миссионерских подотделах при викариальных и благочиннических советах. К началу 1925 г. миссионерский совет при Священном синоде был преобразован в миссионерский отдел, сохранив прежние функции, в «Вестнике Священного Синода» сообщалось, что в 24 епархиях уже созданы собственные миссионерские отделы [Состав Священного синода, 1925, 16]. Синодом планировалось в особенности активно вести борьбу с сектами, в частности — ввести предмет «сектоведение» в курсы Московской богословской академии и Ленинградского богословского института и учредить кратковременные курсы по противодействию сектам в Москве [Резолюция, 1925, 5].

Необходимо отметить, что в Сибири в этот период решения синода не находили отклика. Фактически после II Всесибирского съезда вопросы миссии на уровне Сибирской церкви и отдельных епархий не поднимались вплоть до конца 1926 г. Несмотря на стремление синода обязать богословские издания помещать статьи по вопросам миссии [Резолюция, 1925, 5], в начавшей издаваться с марта 1925 г. иркутской газете «Церковный вестник», в 1926 г. получившей статус общесибирского обновленческого издания, насколько можно судить по сданным в печать материалам, вопросы миссии в этот период не поднимались (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 117).

На уровне синода заинтересованность в миссионерской деятельности сохранялась на протяжении 1925 г., о чем косвенно свидетельствует довольно активное обсуждение данных вопросов на III Поместном соборе, проходившем в Москве с 1 по 10 октября 1925 г. [О современном положении, 1926, 9; Положение, 1926а, 26; Положение, 1926б, 27; Постановление, 1926, 31]. Вместе с тем, по всей вероятности, в Сибирской церкви

и на протяжении 1925 г. вопросы, связанные с миссией, не поднимались ни на уровне митрополии, ни на уровне отдельных епархий. Основная деятельность обновленческих структур в регионе по-прежнему сводилась к борьбе с Патриаршей Церковью, в условиях которой противостояние с сектами и распространение христианства среди неверующих и язычников не являлись существенной задачей.

Суммируем. В связи с ростом сопротивления обновленческому расколу летом 1923 г. проблема миссии не являлась для обновленческих структур особенно актуальной как на общесоветском, так и на региональных уровнях. В рамках проведенных в епархиях осенью 1923 г. недель духовного просвещения преимущественно затрагивались вопросы внутренней миссии и борьбы с Патриаршей Церковью. Вопросы внешней миссии в этот период практически не рассматривались. Больше внимание миссионерской деятельности в сибирских епархиях стало уделяться с начала 1924 г. В частности, в Иркутской епархии в этот период проводились беседы, одной из целей которых была проповедь христианства среди неверующих. В это же время в некоторых епархиях было обращено внимание на перспективы противостояния сектантству. Вопросы миссии довольно подробно рассматривались на II Всесибирском съезде духовенства и мирян, прошедшем 12 мая 1924 г. в Новониколаевске. На съезде был представлен специальный доклад, посвященный миссионерской деятельности. Вопросы миссии также затрагивались в ряде других докладов и постановлений. Вместе с тем съезд оказался невосприимчив к ходатайствам из епархий. В частности, доклад иркутского протоиерея Н. С. Попова-Кокоулина о создании Олекминской епархии для улучшения миссионерской работы не был рассмотрен. Также следует подчеркнуть, что решения съезда не имели деятельного отголоска на епархиальном уровне. Документальные свидетельства о развитии миссионерской работы в сибирских епархиях в 1924–1925 гг. отсутствуют. Необходимо отметить, что декларируемые Сибирской церковью призывы к развитию миссионерской деятельности вполне соответствовали политике обновленческого Священного синода в данный период, однако реального отголоска на епархиальном и приходском уровне в Сибири синодальные постановления в рассматриваемый период также не имели.

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, можно обозначить, что в период институционализации обновленческого раскола в Сибири проблема миссионерской деятельности не являлась первостепенной и поднималась только в контексте общих тем, таких как проповедь и богослужебные реформы. Можно сказать о том, что проблемы миссионерской деятельности в этот период живо интересовали только отдельных сибирских клириков. В целом, индифферентное отношение к внешней миссии среди большинства сибирских обновленцев отражало общие тенденции данного периода.

II Поместный собор, проходивший в конце апреля — начале мая 1923 г., установил вектор для дальнейшего развития обновленчества в 1920-х гг. Вопросы миссии на соборе специально не рассматривались, однако некоторые аспекты, связанные с миссионерской деятельностью, затрагивались рядом докладчиков. Важно отметить, что миссионерство декларировалось как одна из обязанностей церковных структур на местах.

Тем не менее после освобождения из заключения Патриарха Тихона (Беллавина) и начала значительного роста оппозиции обновленческому расколу вопросы миссии вновь стали слишком далеки от реальных задач обновленческих структур, как в Сибири, так и в остальном СССР. Подобное положение в целом сохранялось до начала 1924 г., когда миссионерская проблематика стала подниматься как на епархиальном, так и на общесибирском уровне. В частности, в некоторых сибирских епархиях стало уделяться внимание противодействию сектантству и проповеди христианства среди неверующих.

На II Всесибирском съезде духовенства и мирян в мае 1924 г. вопросы миссии поднимались как в отдельном докладе, так и в выступлениях докладчиков и резолюциях

по иным темам. Вместе с тем следует отметить, что доклад, собственно рассматривавший миссионерскую деятельность, выглядел несколько оторванным от реальности. Помимо этого доклада съезд не рассматривал каких-либо миссионерских инициатив из епархий. Во многом внимание к миссии в Сибирской церкви в этот период отражало общие для обновленчества тенденции. В частности, миссионерские вопросы рассматривались на Великом предсоборном совещании в июне 1924 г.

Отдельно следует сказать, что решения II Всесибирского съезда по вопросам миссионерской деятельности не нашли отголоска в сибирских епархиях. В той же мере на епархиальном уровне Сибирская церковь не реагировала на декларируемые Священным синодом призывы к развитию миссионерства. Подобная ситуация сохранялась как во второй половине 1924 г., так и в 1925 г. Единственными мероприятиями данного периода в Сибири, так или иначе относившимися к миссии, можно считать публичные выступления «митрополита» Александра Ивановича Введенского, хотя значительного миссионерского результата они не имели.

В целом в первой половине 1920-х гг. деятельность сибирских обновленческих церковных структур была сосредоточена преимущественно на противостоянии с оппозицией и внутренней пропагандистской работе в общинах, поэтому вопросы миссионерства не являлись для них первостепенными. На епархиальном уровне призывы синода и Сибирской церкви к развитию миссии фактически игнорировались. Активно миссионерство в этот период интересовало в Сибири только отдельных энтузиастов из числа обновленческого клира.

Источники и литература

Источники

1. ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11; Д. 25; Д. 28; Д. 29; Д. 31; Д. 34; Д. 43; Д. 45; Д. 54; Д. 59; Д. 75; Д. 76; Д. 81; Д. 117; Д. 252.
2. ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. 203. Оп. 2. Д. 10; Ф. 206. Оп. 1. Д. 12; Ф. 557. Оп. 1. Д. 25; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 777.
3. ГАНО — Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 15; Д. 20.
4. Деяния II собора (1923) — Деяния II-го Всероссийского Поместного собора Православной церкви: Бюллетени. М., 1923.
5. Духовенству (1922) — Духовенству и мирянам Суздальского уезда. Листовка. Владимир, 1922.
6. О современном положении (1926) — О современном положении Православия (доклад митрополита Александра Введенского) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 2 (6). С. 9–10.
7. Положение (1926а) — Положение о митрополитанских округах православной церкви на территории СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 2 (6). С. 26.
8. Положение (1926б) — Положение о епархиальном, викариальном и благочинническом управлении // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 2 (6). С. 27–29.
9. Постановление (1926) — Постановление собора о духовном просвещении // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 2 (6). С. 31.
10. Резолюция (1925) — Резолюция по докладу проф. В. З. Белоликова «О сектантстве и мерах борьбы с ним» // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 5.
11. Сибирь (1922) — Сибирь за церковное обновление. Телеграмма сибирского церковного управления // Власть труда. 1922. 7 июля.

12. Состав Священного синода (1925) — Состав Священного Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 16–17.
13. Устав (1922) — Устав Гражданина Белого Духовенства «Живая Церковь». Нолинск, 1922.
14. Учебная программа Академии (1923) — Учебная программа Академии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1923. № 1. С. 19–20.
15. Церковная заря (1922) — Церковная заря. 1922. 1 декабря.
16. Церковная заря (1923) — Церковная заря. 1923. 10 марта.
17. Что постановил губернский съезд (1923) — Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27-го марта 1923 года. Владимир, 1923.
18. Шаламов (1922) — *Шаламов Т. Н., прот.* Голос новой церкви. (К открытию нового Епархиального Управления) // Церковная заря. 1922. 15 сентября.

Литература

19. Каллистрат Романенко (2018) — *Каллистрат (Романенко), архиеп.* К вопросу об образовании Алтайской духовной миссии // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2018. № 82. С. 11–22.
20. Крючкова, Мельникова (2019) — *Крючкова Т. А., Мельникова С. В.* Труды архиепископа иркутского и Верхотурского Иоанна (Ф. И. Смирнова) как источник по истории православных духовных миссий в Восточной Сибири и Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1905–1918 гг. // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. С. 178–185.
21. Кульпинов (2021а) — *Кульпинов С., диак.* К проблеме автокефалии Сибирской обновленческой церкви в 1920-х — 1930-х гг. // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 179–182.
22. Кульпинов (2021б) — *Кульпинов С. С.* Эзотерик, обновленец, религиовед: штрихи к портрету Антона Николаевича Семиггановского-Диальти // Прагматика гуманитарного знания: Сб. материалов международной конференции. Иркутск, 2021. С. 79–84.
23. Лавринов (2007) — *Лавринов В., прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М., 2007.
24. Лавринов (2016) — *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
25. Лобанов (2019) — *Лобанов В. В.* «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб., 2019.
26. Маньковская (2016) — *Маньковская О. В.* Деятельность Алтайской духовной миссии на территории Южной Сибири в XIX — начале XX вв. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 73–75.
27. Пантюхин (2014) — *Пантюхин А., диак.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь, 2014.
28. Петров (2018) — *Петров С. Г.* Диспут с обновленческим митрополитом Александром Введенским в Иркутске (1924 г.): воспоминания участника // Известия ИГУ. Сер. История. № 26. С. 189–201.
29. Соловьев (2002) — *Соловьев И., свящ.* Краткая история т. н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки). М., 2002. С. 3–64.
30. Цысь (2017) — *Цысь О. П.* К истории создания и упразднения Обдорской миссии в 20-х — 30-х гг. XIX в. // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 158–167.
31. Шиленок (2006) — *Шиленок Д., свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М., 2006.
32. Юрганова (2020) — *Юрганова И. И.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири (XVII — нач. XX вв.): историко-аналитический обзор // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 110–120.
33. Luukkanen (1994) — *Luukkanen A.* The party of unbelief. The religious policy of the Bolshevik party, 1917–1929. Helsinki, 1994.